

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №24 (222)

Стратегические интересы и политика
России и Австралии
в Азиатско-Тихоокеанском регионе
(по материалам круглого стола)

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Содержание

Вступительное слово	3
<i>Выступления:</i>	
Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла Австралии в России <i>Маргарет А. Туми</i>	4
<i>В.Л. Ларин</i> . Интересы и политика России в АТР в начале XXI в. и российско-австралийские отношения	8
<i>С.К. Песцов</i> . Россия в азиатско-тихоокеанских региональных организациях: достижения и перспективы	14
<i>И.А. Толстокулаков</i> . Политика России на Корейском полуострове: текущие проблемы и перспективы	22
<i>Дискуссия</i>	30

Круглый стол
«Стратегические интересы и политика
России и Австралии
в Азиатско-Тихоокеанском регионе»

23 марта 2012 г. Отдел международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН провёл круглый стол на тему «Стратегические интересы и политика России и Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Заседание круглого стола вёл д-р ист. наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока **Виктор Лаврентьевич Ларин**.

Свои взгляды на различные аспекты проблемы представили:

- Чрезвычайный и Полномочный Посол Австралии в России **Маргарет Туми**,
- д-р ист. наук, проф., директор ИИАЭ **Виктор Лаврентьевич Ларин**,
- д-р полит. наук, проф., главный научный сотрудник ИИАЭ **Сергей Константинович Песцов**,
- д-р ист. наук, проф., руководитель Центра корееведения ИИАЭ **Игорь Анатольевич Толстокулаков**.

Вступительное слово

директора ИИАЭ д.и.н., проф. В.Л. Ларина
и Чрезвычайного и Полномочного посла
Австралии в России Маргарет А. Туми

В.Л. Ларин. Здравствуйте, уважаемые коллеги! Наш сегодняшний круглый стол проходит в несколько необычном формате: в нём участвует Чрезвычайный и Полномочный посол Австралии в России Маргарет Туми. Два года назад уже возникал вопрос о проведении во Владивостоке круглого стола, посвящённого взаимодействию России и Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сегодня такая возможность появилась. Я благодарен г-же Туми за то, что она нашла время поучаствовать в работе круглого стола, который, думаю, будет интересен всем присутствующим.

М. Туми. Спасибо. Действительно, я очень люблю путь из Канберры в Москву за то, что на полпути между двумя столицами находится Владивосток. Печально, что мы не делаем вместе большего. Приезжая сюда, я всякий раз стараюсь участвовать в мероприятиях, проводимых в академической или образовательной среде. И сегодня я для начала хотела бы передать в дар Институту книги об Австралии, которые, на мой взгляд, могут оказаться интересными и полезными для вашей библиотеки.

Далее М. Туми передала в дар Институту ряд австралийских книг, представляющих научный интерес. Отвечая взаимностью, В.Л. Ларин передал М. Туми последние печатные труды Института.

Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла Австралии в России Маргарет А. Туми*

Я начну свою презентацию с далёких лет, когда я изучала в Мельбурнском университете русский, немецкий и французский языки и политику, но культурный и студенческий обмен между нашими странами был прекращён из-за ввода советских войск в Афганистан. Теперь в Афганистане находятся австралийские войска. Зато сейчас есть и культурный, и научный обмен между Австралией и Россией. В то время отношения между нашими странами базировались на подозрениях и идеях холодной войны. Хорошо, что сейчас этого больше нет.

Все прошедшие 30 лет характеризовались крупными изменениями — политическими, экономическими, демографическими, идеологическими — в мире и в нашем регионе. В 1980-е гг., когда я училась в университете, Австралия была сосредоточена на западных союзниках. Конституционно и политически Австралия больше связана со своей бывшей метрополией. Основной поток мигрантов шёл из европейских стран. В то время только начинались миграционные процессы из Азии, мы ещё не предвидели масштабных миграций с Ближнего Востока, из Азии, Африки. В тогдашних школах хоть и в небольшом объёме, но учили европейским языкам; у меня были итальянский и французский.

В торговле превалировали наши отношения с США и европейскими странами, хоть мы и не стали членом ЕС. В то время объём нашей торговли с азиатскими соседями был не столь велик, хотя страны находились накануне экономического роста.

С точки зрения вопросов безопасности ключевой идеей внешней политики Австралии была борьба с коммунизмом по всему миру. Многие из наших соседей, островных государств Тихого океана, только что сбросили колониальную зависимость от Великобритании или Франции. В то время австралийцы не так много ездили по миру, как сейчас. Когда мы путешествовали, то ехали главным образом в Европу. Это стоило больших денег, требовалось совершить четыре пересадки, прежде чем удавалось достичь Европы. В то время никто не посещал Советский Союз, я, пожалуй, была исключением. И со времени моего студенчества в начале 1980-х Россия прошла через более глубокие перемены, чем Австралия: в идеологии, политической системе, экономические, в демографии, в военной структуре.

* Доклад был сделан на английском языке; печатается по переводу.

Я не буду помногу останавливаться на этих вопросах: уверена, вы о них осведомлены лучше. Изменилось очень многое: сейчас Австралия экономически и политически больше интегрирована в АТР. Объём нашей торговли со странами региона составляет 300 млрд долл. в год, или 70% общего объёма австралийской торговли. Из десяти наших экономических партнёров восемь находятся в АТР. В университетах Австралии обучается большое число студентов из Азии, и наши дети больше изучают азиатские языки, в отличие от нас, учивших в основном европейские. Молодёжь Австралии предпочитает путешествовать в АТР, а не в Европу. Самые крупные посольства Австралии находятся в АТР, что отражает сложность и многообразие наших отношений с этими странами.

И я хочу поговорить об этих различиях, чтобы показать, во-первых, как австралийцы видят регион, во-вторых, как может многое измениться за 30 лет. В 2008 г. премьер-министр Кевин Радд предложил концепцию Азиатско-Тихоокеанского сообщества, которое со временем приняло форму предложения о расширении Восточно-Азиатского партнерства с включением в него США и России.

Несомненно, в следующие 30 лет наш регион тоже изменится, возможно, не так сильно, как это было за предыдущие 30 лет. И на национальном, и на международном уровне мы должны понимать, с какими рисками столкнёмся и как будем на них реагировать. Мы не можем воспринимать мир и гармонию как данность. Динамичное развитие взаимодействия между странами создаёт не только много возможностей, но и много вызовов и угроз. Ситуацию в нашем регионе будет определять взаимодействие между пятью мощнейшими его государствами: Россия, США, Китай, Индия и Япония. На практике это означает тесное взаимодействие между странами, означает, что изменения в одной стране повлекут существенные изменения в других странах.

Для АТР характерны большое население и ограниченность ресурсов, что создаёт возможность конкуренции и борьбы за эти ресурсы, прежде всего нефть, вода, продовольствие. Также характерно для АТР то, что мы в Австралии называем нетрадиционными угрозами — природные катастрофы, трансграничная преступность, изменение климата. Кроме того в регионе сохраняются пограничные споры, горячие точки, такие как Корейский полуостров и Афганистан. И даже, события, происходящие вне региона, могут существенно влиять на экономическую систему и безопасность. Мы являемся свидетелями переноса центральной оси международных отношений из Европы в АТР. Это обусловлено экономическим ростом Китая и Индии. Кроме того, это объясняется экономической интеграцией в регионе: страны открывают двери для экономических связей и инвестиций.

Мировой кризис показал, насколько экономика нашего региона важна для глобальной экономики. С точки зрения австралийского правительства перенос фокуса международных экономических отношений в АТР меняет всю мировую систему, и мы должны создать фундамент, с позиции которого будем отвечать на грядущие вызовы. Сейчас архитектура международных отношений в АТР базируется по-прежнему на структурах АСЕАН, АТЭС, что актуально для Владивостока, АРФ и ВАС.

С нашей точки зрения, задача региональных государств, таких как Австралия, состоит в том, чтобы сблизить ведущие страны региона, создать для них площадку, на которой они могли бы решать вопросы. Россия испытывает то же самое беспокойство, как я поняла из бесед в МИД с другими людьми. Начиная с 1988—1989 гг. Россия и Австралия внесли большой вклад в работу организации в регионе. Россия и Австралия присоединились к АСЕМ и участвовали в нескольких встречах в Европе, где обсуждались региональные проблемы. В прошлом году Россия, как и США, формально присоединилась к ВАС, где на сессии присутствовал министр иностранных дел С.В. Лавров. С австралийской точки зрения включение США и России в ВАС создаёт благоприятную площадку, на которой ведущие страны региона могут обсуждать все проблемы взаимодействия в нём.

Решение России проводить встречу лидеров АТЭС здесь, во Владивостоке, базируется на целом ряде предпосылок. И очень важно взглянуть на Россию не из Европы и понять, что она является частью АТР, хотя многие зачастую упускают это из вида. Часто об этом забывают и в Москве, и в странах АТР, где Россию в основном воспринимают как европейскую страну. Кроме того, проведение саммита АТЭС во Владивостоке даёт России ведущую роль в организации в очень важный период. После глобального экономического кризиса есть время посмотреть, как мы можем инвестировать средства в двусторонние экономические связи.

И для меня как посла Австралии в России очень важно, как мы будем строить двусторонние отношения. В рамках АТЭС мы работаем с Россией по многим направлениям: думаем о наших двусторонних отношениях, обмениваемся опытом по проведению аналогичного саммита в Сиднее. Присутствующая здесь Таня Списбах работает с нашим МИДом по этому вопросу. Таким образом, председательство России в АТЭС даёт ей шанс по-новому взглянуть на АТР, а АТР, в т.ч. и Австралии — шанс по-новому взглянуть на Россию. Нам всем предоставлена возможность посмотреть на события в регионе с одной точки зрения, сквозь одну призму и понять, как мы можем взаимодействовать и противостоять вызовам.

И позвольте мне взглянуть на проведение встречи АТЭС во Владивостоке не только с точки зрения многосторонних отношений, но и с точки зрения двусторонних отношений. Нам предстоит работать с Россией в т.н. «тройке», поскольку Россия будет принимать саммит G20 в 2013 г., а Австралия — в 2014 г., т.е. нам предстоит работать в составе этой тройки над вопросами глобальной экономики. Австралия — один из кандидатов на место непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Мы не знаем, как пройдут выборы в октябре этого года, но если Австралия будет выбрана, ей предстоит тесно работать с Россией в рамках этого органа. Последний раз Австралия была непостоянным членом Совбеза ООН ещё во времена Советского Союза, и нам придётся в новых условиях лучше понимать Россию и вместе трудиться над решением глобальных проблем. Как я уже говорила, эти вопросы я обсуждала с МИДом в Москве, с представителями различных московских исследовательских организаций, и для меня очень важно обсудить это здесь с представителями интеллектуальной элиты российского региона, который ближе всех расположен к Австралии.

Хочу поблагодарить Виктора Лаврентьевича за то, что он посетил Австралию и прочёл там ряд лекций, которых не было очень давно и которые помогают понять Россию, а также за предоставленную мне возможность участвовать в этом мероприятии.

Интересы и политика России в АТР в начале XXI в. и российско-австралийские отношения

Виктор Лаврентьевич ЛАРИН,

д-р ист. наук, профессор, директор ИИАЭ ДВО
РАН.

В своём докладе я хотел бы акцентировать внимание на основных моментах российской политики в АТР (преимущественно с того ракурса, с которого они видятся из Владивостока), а также некоторых аспектах российско-австралийских отношений. Упор буду делать на аспектах, которые позволили бы нашим странам более активно сотрудничать.

Начну с целей российской политики в регионе. Очевидно, что наиболее часто декларируемая сегодня политическим руководством страны цель — развитие восточных районов России за счёт потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона. Иначе говоря, идея состоит в том, чтобы воспользоваться финансовыми, людскими, логистическими и прочими ресурсами АТР для того, чтобы экономически, социально и культурно поднять Дальний Восток.

Однако россияне, живущие в регионе, не очень верят в истинность этой цели. Более правдивой им кажется идея центра использовать ёмкий рынок АТР для того, чтобы освоить труднодоступные сегодня ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Здесь можно напомнить высказывания президента России В. Путина о том, что фактически Сибирь и Дальний Восток — это резерв выживаемости России в XXI веке. Это, наверное, соответствует действительности.

А главная цель России на Востоке сегодня, для чего и активизируется политика по продвижению в АТР, развитию Дальнего Востока — это сохранение статуса великой державы. Реальные сдвиги в этой политике стали происходить после того, как в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ со всей серьёзностью обсуждался вопрос об угрозе потери Россией Дальнего Востока. После этого были предприняты интенсивные меры, существенно увеличились финансовые вложения в Дальний Восток. И такое случается не в первый раз в истории России и СССР, не впервые страх потерять эти территории заставляет Москву или Санкт-Петербург активно заниматься их развитием.

Сегодня у России есть три аргумента для сохранения статуса великой державы: территория, природные ресурсы и ракеты. Развитие технологий

сейчас идёт таким путём, что через некоторое время ракеты вполне могут перестать быть уделом только великих держав, а вот территория и ресурсы — это аргументы очень весомые, по крайней мере в обозримом будущем.

Какие же существуют пути интеграции России в АТР? Первый (активно используемый сегодня) — это развитие двусторонних отношений со странами АТР. Здесь наиболее ощутимы результаты развития политических, экономических и торговых отношений с Китаем и Индией, которые, как и Россия, входят в БРИКС.

Второй путь — участие в региональных организациях, хотя на этом направлении с российской стороны звучит больше критики. В качестве примера можно привести отсутствие российского президента на сессии ВАС в ноябре 2001 г., что поставило в тупик и отечественных, и зарубежных экспертов-международников.

Третий — участие в международном разделении труда. Здесь фактически речь идёт о восточном векторе поставок российских природных ресурсов, прежде всего энергетических.

Четвёртый путь — участие России в решении разнообразных региональных проблем: застарелых военно-политических трений, невоенных угроз. И это самая прочная и надёжная точка соприкосновения России, Австралии и других стран региона, ибо здесь нет политических разногласий и несовпадающих интересов. На платформе решения этих проблем лучше всего взаимодействовать.

Пятый канал российского продвижения в регион видится в усилиях по обеспечению региональной безопасности. Так, в сентябре 2010 г. в ходе российско-китайской встречи в верхах стороны высказали идею создания всесторонней азиатско-тихоокеанской архитектуры безопасности на принципах шанхайского духа, т.е. идеях, которые существуют в ШОС. К этому можно относиться скептически, но попытка сделана, причём импульс идёт и с российской, и с китайской стороны, которая, в свою очередь, в последнее время активно продвигает идеи создания системы коллективной безопасности в регионе. Это одно из приоритетных направлений внешней политики Китая, и Россия его сегодня поддерживает.

Наконец, шестой возможный путь — это создание на территории Тихоокеанской России плацдарма для экономического проникновения в АТР через развитие здесь соответствующей инфраструктуры (трубопроводов, Транскорейской магистрали, системы портов и т.д.) и ряда экономических объектов.

Однако есть и препятствия продвижению России в АТР, порой весьма серьёзные, способные завести её в тупик. Можно выделить две категории таких препятствий.

Первая — особенности восприятия и российским обществом, и российским государством Восточной Азии, АТР и собственной азиатской периферии. Речь идёт о традиционно прозападной ориентации России, которую упрощённо можно выразить формулой: всё хорошее на Западе, а на Востоке всё чуждое и непонятное. В результате у России до сих пор нет стратегии в Восточной Азии и АТР, не декларированы основы политики в отношении ключевых стран региона, не говоря уже об Австралии. Год назад было объявлено начало разработки стратегии России в АТР до 2050 г., программы развития Дальнего Востока на этот период. Но за год мы получили лишь идею С.К. Шойгу о создании госкорпорации по открытию ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Вторая категория препятствий связана с отношением к России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Известный факт: не все здесь считают её азиатско-тихоокеанским государством. Достаточно сказать, что во внешнеполитических ведомствах Австралии, США, Китая и других государств Россией занимаются департаменты Европы, а не Азии.

Я попытался оценить шансы России на интеграцию в регионе и препятствия к ней. Препятствий получилось больше. Хотя и шансов немало. Их поддерживают следующие факторы:

1. Интеграция является магистральной линией развития всего региона.
2. Страны АТР проявляют интерес к ресурсам Сибири и Дальнего Востока, жизненная необходимость которых для них всё возрастает.
3. В регионе идёт процесс культурной конвергенции, т.е. смешения западной и восточной культур, хотя есть и процессы национализма, стремления к национальной самоидентификации.
4. У самой России есть объективные потребности к расширению и углублению связей со странами АТР. К сожалению, приходится констатировать, что адвокатов поворота России в сторону АТР в самой стране очень немного. И как бы ни относились в стране к В. Путину, я уверен: если бы не он, все разговоры об интеграции остались бы у нас только разговорами. Это как раз тот случай, когда один человек является двигателем политики. В пользу интеграции говорят и интересы российского Дальнего Востока, Тихоокеанской России, которая может быть реальным локомотивом интеграции России в АТР.

А что же мешает интеграции России в АТР? Мизерный уровень российского экономического, политического, культурного присутствия в

регионе; опасения, которые испытывают страны региона по поводу возможного российского энергетического диктата, который уже трактуется некоторыми экспертами как «российский энергетический национализм».

В странах Восточной Азии наблюдается определённый подъём национализма. У России есть нерешённые межгосударственные проблемы, имеющие не только двустороннее, но и региональное звучание (например, проблема Курильских островов). У многих слоёв и групп населения региона сохраняется негативное представление о России как прямом наследнике Советского Союза, который десятилетиями рассматривался во многих странах региона как реальная угроза их безопасности.

Тормозит продвижение России на Восток её ограниченный экономический потенциал, боязнь тесной интеграции со странами АТР: в Москве бытует представление, что экономическое развитие Дальнего Востока и его сближение со странами региона приведут к политическому дрейфу региона на восток. Существует и проблема высокой стоимости затрат на подтягивание стандартов жизни на Дальнем Востоке к стандартам развитых стран АТР.

Наконец, отсутствует в России и достаточная интеллектуальная масса, необходимая для выработки правильной политики на Востоке. Повторюсь: у нас и политические круги, и бизнес, и общественность ориентированы на Запад. Нужна интеллектуальная среда, которая позволит понять стране в целом и её политическому руководству в частности, что на сегодняшний день Восток для российского государства не менее важен, чем Запад.

В заключение — несколько слов о восприятии Австралии жителями Дальнего Востока, о том, какое место они отводят этой стране в картине мира. Сразу приходится констатировать, что далеко не самое важное. Например, когда при опросах населения задаётся вопрос, с какими странами Дальнему Востоку следует развивать отношения в первую очередь, Австралия оказывается в числе последних. По нашим данным, только 9% жителей юга Дальнего Востока называют Австралию приоритетной для развития отношений страной.

Специально перед нашим круглым столом группа изучения общественного мнения института провела во Владивостоке экспресс-опрос, охвативший около 300 человек, главным образом молодёжь, лиц с высшим образованием и студентов. Результаты опроса позволяют сделать некоторые оценки, в частности — факторов, способствующих и мешающих дальнейшему сближению России и Австралии.

К императивам сближения следует отнести прежде всего общие интересы России и Австралии в регионе. Среди них стабильность и безопасность в АТР,

стремление решать региональные проблемы мирным путём, обоюдное желание быть частью АТР, наконец, положительный образ Австралии в России. Результаты опроса показывают, что лишь 10% респондентов относятся к Австралии негативно, порядка 25% проявляют к ней большой интерес, около 50% не имеют какого-либо явного представления об этой стране, а оставшиеся 15% мало интересуются Австралией. Иными словами, негативное отношение к Австралии обнаруживается лишь у небольшой части жителей Владивостока. Кроме того, есть у Австралии и России общие проблемы и тревоги, немаловажная среди них — подъём Китая, который, с одной стороны, воспринимается с опаской, с другой — представляется шансом, который обе страны не хотели бы упустить.

Первое препятствие к развитию российско-австралийских отношений — расстояние. Не случайно при выборе респондентами потенциального партнёра для развития отношений Австралия оказывается в последних рядах, т.к. в представлении россиян она существует где-то очень далеко. Так, отвечая на вопрос о роли Австралии в развитии Дальнего Востока, только 9% опрошенных ответили, что она играет в этом вопросе существенную роль.

Слабо развиты экономические отношения Дальнего Востока и Австралии. Если раньше Дальневосточное пароходство регулярно выполняло рейсы в австралийские порты, то сейчас российские моряки, бывающие в Австралии, стали редкостью. Влияет на мнение опрошенных и низкий уровень знаний об Австралии. Возможно, существует фактор расхождения интересов, инерции мышления, устоявшихся представлений, штампов и стереотипов. Например, кому-то просто не нравится, что лучший друг Австралии — Соединённые Штаты Америки. Немало имеется в нашей стране людей, разделяющих стойкие антиамериканские настроения, которые в данном случае, возможно, рассуждают, исходя из простой посылки: если некая страна — друг нашего недруга, она тоже наш недруг.

Но при этом в ходе всех опросов, которые мы проводили в последние 15 лет на юге Дальнего Востока, Австралия наряду с Японией была самым симпатичным для жителей Дальнего Востока государством. Именно её называли страной, вызывавшей наибольшие симпатии, выбирали в качестве места потенциальной эмиграции и временной работы, объекта туризма. У многих слово «Австралия» вызывало только положительные эмоции.

Вот данные нашего последнего опроса, проведённого в марте 2012 г. во Владивостоке. Состояние российско-австралийских отношений 10% опрошенных назвали плохим, четверть — положительным, ещё около 25% затруднились с ответом — это как раз те 25% населения, что не имеют чёткого представления об Австралии. Половина опрошенных оценивает

перспективы сотрудничества России и Австралии как хорошие. На вопрос, совпадают ли интересы двух стран, те же 10% негативно настроенных ответили отрицательно, четвертая часть затруднилась с ответом, 12% отметили, что интересы совпадают частично, остальные считают, что интересы совпадают.

Очевидно, что эти представления лишь отчасти адекватны существующим реалиям. Многие из опрошенных, да и россияне в целом, не имеют достаточных знаний об Австралии, чтобы рассуждать квалифицированно. Об уровне знаний об Австралии свидетельствуют ответы на несколько инициативных вопросов, предложенных в анкете. У половины опрошенных Австралия ассоциируется с кенгуром, ещё около четверти участников написали «природа Австралии». Только 44% знают столицу Австралии — Канберру, часть опрошенных назвали Сидней и Мельбурн, остальные не дали ответа. Только половина респондентов знают об архитектурном символе Австралии, Сиднейском оперном театре. Фамилию действующего премьер-министра Австралии вспомнили только 8% опрошенных, ещё несколько процентов написали, что премьер-министром Австралии является женщина, а кто-то указал имя Кевина Радда.

Одна из причин такого уровня знаний заключается в том, что для 70% опрошенных основной источник информации об Австралии — телевидение, не балующее россиян информацией об этой стране. Из интернета информацию получают около 45%. Это как раз та часть опрошенных, которые интересуются Австралией и имеют о ней какое-то представление.

Подводя итог своему выступлению, хочу констатировать наличие некоторых общих основ для развития российско-австралийского сотрудничества в АТР, фундамент которого — обоюдная заинтересованность двух государств в стабильности и безопасности региона, в его экономическом развитии. Это те общие интересы, которые надо реализовывать. Важные задачи на этом пути — развитие гуманитарного обмена, который будет давать больше знаний друг о друге каждой из стран, а также более активный поворот российской политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Россия должна в полной мере видеть Австралию.

Россия в азиатско-тихоокеанских региональных организациях: достижения и перспективы

Сергей Константинович ПЕСЦОВ,

д-р полит. наук, проф., главный научный сотрудник ИИАЭ.

До недавнего времени слабая институциональная оформленность считалась одной из основных отличительных особенностей азиатско-тихоокеанского регионализма. Эта характеристика легла в основу выделения особого типа азиатского регионализма — «неформального», или «мягкого», в отличие от других его географических вариантов, прежде всего европейского. Однако стремительное увеличение в последние годы числа разномасштабных и разноформатных кооперационных структур в этой части мира, играющих всё более важную роль в организации региональных взаимодействий, существенно меняет привычную картину.

Это обстоятельство ставит перед всеми региональными участниками, в том числе перед РФ, ряд серьёзных задач, к числу которых относятся необходимость выбора наиболее адекватных для решения тех или иных проблем организационных форм, стратегий участия в региональных организациях, разработки механизмов согласования и координации их усилий, определения общих контуров будущей региональной архитектуры.

В последнее время РФ демонстрирует заметную международную активность как на глобальном, так и на региональном уровне. Однако в региональном сообществе её успехи пока остаются скромными. Первоначальная амбициозная идея организации интеграционного сотрудничества на всём постсоветском пространстве в рамках СНГ к октябрю 2000 г. «сжалась» до Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в составе Беларуси, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана (пяти из двенадцати прежних участников). Количество членов образованного в октябре 2007 г. на его базе Таможенного союза сократилось до трёх (Беларусь, РФ и Казахстан), трения между которыми периодически обостряются¹.

Ещё одна региональная структура, созданная в 2001 г. при непосредственном участии РФ, — Шанхайская организация сотрудничества

¹ Так, вследствие нарастания разногласий между руководством РФ и Беларуси, в мае 2010 г. председатель российского правительства В. Путин объявил, что Таможенный союз начнёт действовать без участия Беларуси.

(ШОС) — несмотря на оптимистичные заявления, отличается очевидной слабостью центробежных тенденций, что проявляется в преобладании двусторонних взаимодействий, несовпадении подходов государств-участников к определению стратегических направлений развития организации и её внутренней организационной дифференциации². Весьма непросто складываются партнёрские отношения России и с европейскими интеграционными структурами. Европейский союз, вовлекая в программу «Восточноевропейское партнёрство» Украину, Молдову, Беларусь, Азербайджан, Грузию и Армению, существенно ограничивает пространство для регионального манёвра РФ на западных границах.

В этой связи нельзя не обратить внимания на ряд содержательных перемен в стратегии внешнеполитической деятельности России последнего времени. К их числу прежде всего могут быть отнесены устойчивое возрастание значимости азиатско-тихоокеанского вектора и повышение внимания к расширению участия в институционализированных региональных взаимодействиях. Это легко обнаруживается при сопоставлении Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ Д. Медведевым в июле 2008 г., с аналогичным документом, утверждённым Президентом РФ В. Путиным в июне 2000 г.

Новый вариант Концепции был необходим в связи с потребностью в пересмотре приоритетов с учётом возросшей роли России в международных делах и открывающейся перед ней возможностью «...участвовать не только в реализации международной повестки дня, но и в её формулировании»³. Однако не одно это оптимистичное заявление отличает новый вариант документа. Более важными являются указание на неэффективность «традиционных громоздких военно-политических союзов» и выбор в качестве альтернативы им сетевой дипломатии, «...опирающейся на гибкие формы участия в многосторонних структурах...»⁴. И хотя в целом региональные приоритеты российской внешней политики радикальных изменений не претерпели, новый вариант Концепции существенно расширяет перечень международных институтов и организаций, активизация взаимоотношений с которыми значима для РФ.

Первым региональным приоритетом Концепция 2008 г. оставляет пространство СНГ, где наряду с союзным государством *Россия — Белоруссия*,

² Лузянин С.Г. Пятеро против одного (<http://www.ng.ru/politics/2004-09-28/2>).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 15 июля 2008 г. (<http://kremlin.ru/acts/785>).

⁴ Там же.

упоминавшимся и в 2000 г., появляются ЕврАзЭС, Таможенный союз, ОДКБ, ШОС, Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и Организация сотрудничества Прикаспийских государств (ОСПГ). Евро-Атлантический регион, рассматриваемый как пространство от Ванкувера до Владивостока, определён как второе приоритетное направление. Здесь в качестве основных институциональных партнёров РФ выступают Совет Европы, ОБСЕ, ЕС, проекты по сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе и НАТО. В качестве третьего приоритетного направления, как и ранее, выступает АТР в лице ключевых региональных структур, таких как АТЭС, механизмы партнёрства с АСЕАН, ШОС и индивидуальные партнёры — Китай, Индия и Япония ⁵. Следует отметить, что это единственное направление, в рамках которого и сам перечень партнёров, и их иерархия остались практически неизменными.

Обозначенные в новой Концепции тенденции более выпукло очерчены в докладе «Тихоокеанская стратегия России», подготовленном Российским национальным комитетом Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) в июле 2010 г. и ряде публичных выступлений бывшего заместителя министра иностранных дел РФ А.Н. Бородавкина. Доклад АТССБ обосновывает потребность в переориентации внимания России на АТР тем, что работа по формированию новой архитектуры безопасности и сотрудничества в этом регионе уже началась и идёт пока что, по мнению докладчика «без учёта наших интересов и даже без нашего участия»⁶. Россия, как считают авторы доклада, должна не только стать полноправным участником этого процесса, но и предложить региону собственную концепцию региональной архитектуры. Учитывая стремительно возрастающую роль АТР в мире, развивает эту мысль А.Н. Бородавкин, речь в данном случае по сути дела идёт о формировании одной из основ нового мироустройства ⁷. Наиболее приемлемым, на его взгляд, вариантом новой архитектуры АТР является многомерная, многослойная архитектура

⁵ Там же.

⁶ Никонов В.А., Толорая Г.Д., Барский К.М., Чуфрин Г.И., Дубинин Ю.А., Трифонов В.И. Тихоокеанская стратегия России. Доклад Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского Совета сотрудничества по безопасности (АТССБ). 8 июля 2010 г. URL: http://www.ruskiymir.ru/export/sites/default/ruskiymir/ru/events/advertisement/docs/Nikonov_080710.pdf.

⁷ Бородавкин А.Н. Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона. Дипломатический ежегодник-2009. МИД России, 27.02.2010. URL: http://iwity.3dn.ru/news/mnogomernajaarkhitektura_dlja_policentrichnogo_aziatko_tikhookeanskogo_regiona/2010-12-27-59.

безопасности и развития, а средством её создания — развитие сетевой дипломатии. Сетевая дипломатия, в понимании отечественных специалистов, предполагает вхождение страны в том или ином качестве во все существующие в регионе интеграционные структуры и налаживание общерегиональной партнёрской сети многосторонних организаций и форумов⁸. И наша страна, уверены российские дипломаты, успешно движется в этом направлении: с 2011 г. «...Россия наконец-то стала членом всех действующих в АТР интеграционных объединений. Политическая ткань соткана, так что теперь Россия может участвовать во всех форматах и в каждом продвигать свою повестку»⁹.

Между тем более взвешенная оценка вовлечённости РФ в деятельность азиатско-тихоокеанских региональных структур даёт менее оптимистичную картину. Сейчас Россия в качестве полноправного члена присутствует в 8 из 40 наиболее значимых региональных объединений и опирается на достаточно устойчивое партнёрство с одной из субрегиональных организаций (АСЕАН). Российское участие в институционализированных интеграционных структурах АТР, как правило, ограничивается членством в универсальных и/или функциональных организациях общерегионального, межрегионального и трансрегионального уровней (в 7 из 19), таких как ЕврАзЭС, ШОС, АТЭС, АРФ и АСЕМ. По общему правилу, чем более масштабной (по числу членов или пространственному охвату) является организация, тем более общей становится обсуждаемая в её рамках проблематика и менее обязывающими — принимаемые ею решения. Поскольку предметом первостепенной обеспокоенности России в АТР выступает общая региональная архитектура, кажется вполне логичной её предпочтительная ориентация на присоединение именно к такого рода структурам. Однако, во-первых, она слабо сопрягается с возможностями решения задачи экономического и социального развития Сибири и Дальнего Востока, которая выступает в качестве важнейшего внутреннего стимула интеграции России в АТР. Во-вторых, нельзя не видеть, что общая региональная проблематика, как правило, вырастает из конкретных потребностей интеграционного сотрудничества, а переговорный вес государств региона в широких универсальных объединениях прямо

⁸ «Наиболее реалистичным в нынешних условиях, — полагают авторы доклада «Тихоокеанская стратегия России», — было бы идти по пути развития горизонтальных связей в духе сетевой дипломатии, создания в регионе сети партнёрских связей между многосторонними организациями и форумами».

⁹ С восточностью до наоборот. Как Россия пытается интегрироваться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Коммерсант. № 223 (4764). 29.11.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1826444>.

пропорционален масштабу их присутствия в региональных экономических взаимодействиях, степени вовлечённости в конкретные интеграционные проекты и локальные кооперационные схемы. В этой связи неудивительно, что многие, казалось бы, привлекательные региональные инициативы РФ не встречают широкой поддержки и тихо угасают¹⁰.

Несмотря на преимущественную вовлечённость России в работу региональных структур более широкого уровня, она тем не менее остаётся за рамками, например, Форума Восточная Азия — Латинская Америка (ВАЗЛАФ), Ассоциации регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО)¹¹ и тех трансрегиональных институтов, деятельность которых в первую очередь ориентирована на реализацию практических кооперационных проектов. Среди последних можно упомянуть Азиатский банк развития (АБР), под эгидой которого осуществляется целый ряд субрегиональных и трансграничных программ интеграционного характера в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, существенным образом меняющих облик всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия, в отличие от США и Японии, пока не приглашена в СААРК даже на правах наблюдателя, хотя, в соответствии с российской Концепцией внешней политики, Индия является одним из главных индивидуальных партнёров РФ в АТР¹². Незначительные подвижки в этом отношении наметились совсем недавно, после того как посол РФ в Шри-Ланке и Мальдивской Республике В.П. Михайлов впервые принял участие в работе 17-го саммита этой

¹⁰ «С продвижением политических инициатив, — с сожалением констатирует А.Н. Бородавкин, — пока получается хуже. Например, во время визита в КНР сентябре 2010 г. Дмитрий Медведев объявил о российско-китайской инициативе по укреплению безопасности в АТР. Однако за прошедший год инициативу постигла почти та же судьба, что и идею президента РФ о подписании Договора о европейской безопасности. Хотя напрямую её никто не оспаривал... за год об инициативе постоянно говорил лишь сам президент РФ» (С восточностью до наоборот. Как Россия пытается интегрироваться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Коммерсант. № 223 (4764). 29.11.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1826444>).

¹¹ В некоторых случаях МИД РФ продолжает придерживаться «селективного» подхода. Касательно участия РФ в Форуме Восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества, как гласит официальная позиция Латиноамериканского департамента российского внешнеполитического ведомства, «к этому вопросу следует подходить с учётом дальнейшей эволюции ВАЗЛАФ и обретения им собственного места в системе региональных политических и экономических связей». URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rlat.nsf>.

¹² Сотников В.И. Пакистано-индийские отношения и российские национальные интересы. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/02-11-07a.html>.

организации в ноябре 2011 г.¹³. Более того, даже на общерегиональном уровне РФ далеко не всегда успевают за организационной динамикой интеграционного проектирования. В качестве примера может быть названа активно продвигаемая сегодня США инициатива Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), претендующая на роль института, определяющего экономические правила игры в АТР¹⁴. Или Боаоский азиатский форум, на одном из последних заседаний которого в июле 2011 г. бывший заместитель Премьера Госсовета КНР Цзэн Пэйянь выступил с инициативой создания механизма стабилизации глобального рынка энергетических ресурсов (GMSERM)¹⁵. И в том, и в другом случае России оставлена роль стороннего наблюдателя.

Что ещё более важно, Россия не участвует практически ни в одной из региональных структур субрегионального и/или трансграничного уровней, за исключением формального присутствия в программе «Большой Туманган», на практике реализующейся помимо её желания. За процессами реализации большинства других аналогичных проектов Россия пока что наблюдает лишь опосредовано и эпизодически. Крайне незначительным, если не брать во внимание отдельные двусторонние контакты, остаётся присутствие России в программах трансграничной кооперации Южной и Юго-Восточной Азии. Несмотря на предпринимаемые с 2001 г. усилия российской стороны по переводу сотрудничества с АСЕАН в практическую плоскость, взаимоотношения ограничиваются подписанием многочисленных соглашений и ритуальными подтверждениями желания создать ЗСТ и подключить РФ к участию в программе «Большой Меконг»¹⁶. Практически полностью отсутствует РФ в интеграционных структурах юга Тихого океана. А её индивидуальные политические маневры в этом субрегионе отнюдь не способствуют укреплению авторитета и вовлечению в кооперационные проекты. Примерами этого могут служить обострившееся в конце 2011 г. стремление РФ к укреплению взаимоотношений с некоторыми островными государствами-членами Форума Тихоокеанских островов (Тувалу, Кирибати

¹³ Россия впервые приняла участие в саммите СААРК. URL: <http://www.sri-lanka.mid.ru/pr/r-13.html>.

¹⁴ Транстихоокеанское стратегическое партнёрство — новая парадигма для АТЭС? URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/9324>.

¹⁵ Лун Эр. Инициатива Цзэн Пэйяня по созданию механизма GMSERM // Китай. № 2(76). Февраль 2012. С. 33.

¹⁶ Шестаков Е. Появится ли у стран АСЕАН свой Шенген? Российская газета. Федеральный выпуск. №5535 (159). 22.07.2011. URL: <http://www.mgimo.ru/news/press/document167901.html>.

и Вануату), получившее определение «дипломатии чековой книжки» или визит С. Лаврова в январе 2012 г. на Фиджи, ранее исключенного из числа членов ФТО в связи с грубым нарушением правительством этого государства прав человека¹⁷.

Основной проблемой для России, стремящейся интегрироваться в АТР и укрепить свои позиции в этом регионе, остаётся крайне ограниченный набор имеющихся для этого ресурсов. Даже по признанию официальных российских представителей, пока непонятно, какие политические ресурсы Россия может употребить для повышения своей роли в Азии, кроме статуса ядерной державы постоянного члена СБ ООН. Сегодня, из-за отсутствия необходимой инфраструктуры, она не способна претендовать даже на роль значимого поставщика сырья и энергетических ресурсов. Исторически сложившиеся особые двусторонние отношения, которые РФ довольно часто использует для входа в различные азиатско-тихоокеанские структуры, постепенно утрачивают потенциал.

Так, активные контакты в сфере военно-технической кооперации с Малайзией и Индонезией немало способствовали недавнему включению России в состав членов Восточноазиатского саммита (ВАС). Однако кадровый голод, дефицит современных производственных фондов в российском ВПК и неразвитость сервисной инфраструктуры не только разрушают указанные двусторонние связи, но и ослабляют заинтересованность партнёров в присутствии России в регионе в целом¹⁸. По сути дела, двустороннее военно-техническое сотрудничество России со странами АСЕАН может повторить траекторию российско-китайских взаимодействий в этой сфере. Ещё в 1990-е и даже в начале 2000-х гг. 90% китайского импорта вооружений поступало из России. С 2007 г. этот показатель стал резко снижаться, и уже в 2010 г. на Китай приходилось только 10% российского оружейного экспорта¹⁹. Больше того, сегодня Китай начинает теснить Россию и на рынке вооружений Юго-Восточной Азии, в том числе за счёт наращивания поставок запчастей для российской военной техники в Малайзию.

¹⁷ Визит Лаврова на Фиджи: экспансия российской дипломатии в Тихоокеанском регионе. URL: <http://inosmi.ru/australia/20130/184327056.html>.

¹⁸ Ключанская С. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // Индекс безопасности. № 2 (97). Лето 2011. С. 63—64.

¹⁹ Храмчихин А. Традиционное недоверие и нарастающее презрение // Военно-промышленный курьер. № 44 (410). 9 ноября 2011 г.

Столь же ненадёжной может оказаться и предпочитаемая в последние годы Россией политика помощи различным государствам региона балансировать между более мощными игроками. Безусловно, такая тактика способна приносить сиюминутные выгоды «посреднику», о чём свидетельствует, к примеру, недавнее решение Индонезии привлечь к строительству железных дорог на острове Калимантан ОАО РЖД, обусловленное желанием диверсифицировать контакты и снизить зависимость от КНР. Но в то же время она существенным образом ограничивает рамки самостоятельности и инициативы, угрожая превратить РФ из ведущей в ведомую.

Тем не менее, гораздо более существенное (по сравнению с тактическими недоработками) негативное воздействие, ограничивающее успехи России на поприще регионального строительства и интеграции, оказывает ряд факторов мировоззренческого характера. К их числу могут быть отнесены отсутствие у РФ позитивного опыта интеграционного сотрудничества, её болезненная приверженность принципу суверенитета и склонность рассматривать региональную политику как инструмент глобального влияния.

Недостаток позитивного опыта выстраивания интеграционных взаимодействий усугубляется рудиментарным влиянием идей «социалистической интеграции», мотивы кооперации в которой исчерпывались идеологической безальтернативностью и давлением внешних обстоятельств. В этой связи использование Россией силового давления и экономического шантажа как средств «принуждения к дружбе» в отношении Беларуси и Украины является столь же показательным, сколь и ущербным с точки зрения налаживания интеграционных взаимодействий в современных условиях.

Столь же серьезным ограничением эффективности российских региональных усилий является и однозначная приверженность руководства страны принципу национального суверенитета, опирающаяся на преувеличенные представления о наличии критической угрозы распада страны. Региональная интеграция вряд ли может быть успешной, если рассматривать участие в интеграционных структурах прежде всего с точки зрения опасности утраты независимости и ограничения суверенитета. Наконец, попытки РФ использовать региональные институты для укрепления собственного веса в глобальной политике не только дезавуируют интересы её потенциальных партнёров к налаживанию устойчивого сотрудничества, но и превращают её саму в объект манипулирования.

Политика России на Корейском полуострове: текущие проблемы и перспективы

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ,

д-р ист. наук, проф., руководитель Центра корееведения
ИИАЭ.

На протяжении длительного времени корейский вопрос остаётся одной из самых горячих политических проблем Восточной Азии, а в последнее десятилетие он усугубляется и раскручивается по весьма нестабильной траектории. Оценивая сложившуюся в Северо-Восточной Азии обстановку, приходится констатировать, что современная политическая ситуация в регионе в целом и на Корейском полуострове в частности определяется интересами ведущих стран «большой семёрки» и Китая. При этом Российской Федерации отводится роль второстепенного субъекта региональной политики, несмотря на её усилия включиться на равных в процессы политического и экономического взаимодействия.

Признавая США, Японию и Китай основными акторами международных отношений в Северо-Восточной Азии, мы должны подчеркнуть нарастающее значение корейской проблематики, отражающейся как на проблемах региональной и глобальной безопасности, так и на всех политических и экономических процессах, протекающих в СВА. Иными словами, Корейский полуостров становится ключевым фактором региональной политики. Это обусловлено не только ракетно-ядерными амбициями КНДР, которые воспринимаются мировым сообществом как угроза глобального характера, но и сырьевыми, финансовыми и людскими ресурсами двух корейских государств, мощностью их вооружённых сил и ВПК, ёмкостью товарного и инвестиционного рынков и активным участием Республики Корея в различных формах обмена и сотрудничества стран АТР.

С конца 1980-х гг. южнокорейские власти неоднократно заявляли о необходимости обеспечить Корею «подобающее и заслуженное положение» в системе международных и региональных отношений²⁰. Не менее

²⁰ [Kim Young Sam]. Address by President Kim Young Sam on National Policies for 1996 (January 9, 1996): To Build a First-Class Nation by Righting the Wrongs of the Past and Improving the Quality of Life // Korea Observer. Spring 1996. Vol. XXVII, № 1. P. 135—144.; [Roh Moo-hyun]. Address to the Nation By Roh Moo-hyun, Winner of the 16th Presidential Election. December 20, 2002. Online. URL: http://www.korea.net/kwnews/pub_focus/main.html; [Ким Тэджунъ]. Ким Тэ Джунъ сиבודэ

амбициозный подход и у лидеров Северной Кореи, которые в соответствии с идеологией *сонгун* взяли на себя ответственность за «историческую судьбу мирового социализма»²¹. Можно скептически относиться к официальным установкам на построение в КНДР «могучей и процветающей державы»²², но не признавать очевидную способность Пхеньяна существенно влиять на ситуацию в СВА, опираясь на свои ракетно-ядерные козыри, было бы ошибкой.

Иными словами, оба корейских государства в последнее время и на словах, и на деле используют ситуацию вокруг Корейского полуострова, чтобы влиять на политический курс и интересы сопредельных стран и на положение в СВА и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

В силу этих причин корейскому направлению в политике Российской Федерации в отношении Северо-Восточной Азии следует придать приоритетное значение. Именно с этим регионом «...связаны долгосрочные интересы России как евразийской державы»²³. Складывающаяся в Северо-Восточной Азии региональная система обеспечения стабильности определяется взаимодействием целого ряда сил, не последнее место среди которых занимают Республика Корея и КНДР. В связи с этим понятен интерес политических и научных кругов к корейской проблематике.

Внимательное отношение Российской Федерации к любому изменению ситуации на Корейском полуострове и заинтересованность нашей страны в развитии отношений с двумя корейскими государствами связаны прежде всего с обеспечением собственных экономических и стратегических интересов, в первую очередь — с упрочением безопасности и стабильности её дальневосточных рубежей. Исходя из данных стратегических установок, современная Россия строит свои отношения с КНДР и Республикой Корея и достаточно серьёзно относится к решению корейской проблемы во всей её сложности и многогранности.

С точки зрения поддержания регионального мира и безопасности, большое значение имеет сохранение сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами, основанное на разграничении политических и экономических интересов. В настоящее время прослеживается курс к

тэтхонънёнъ чвиимса. Чонмун (Полный текст инаугурационной речи избранного на 15 президентский срок Ким Тэджун) // Чунъанъ Ильбо. 1998. 26 февраля.

²¹ *Ким Чхору*. Военноориентированная политика Ким Чен Ира. Пхеньян: Изд-во лит. на иностранных языках, 2002. С. 4.

²² Там же.

²³ *Болятко А.В.* Дальний Восток : В поисках стратегической стабильности. М., 2003. С. 3.

сохранению status quo в корейском вопросе на основе нейтральной позиции «равной удалённости». Одновременно с этим Россия продолжает налаживать политические и возможные экономические контакты с Севером, поддерживая всесторонние отношения с Югом.

Подписав в феврале 2000 г. новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, КНДР и Российская Федерация практически нормализовали двусторонние отношения, что означало окончательный переход от прежнего одностороннего курса ориентации на Сеул к политике «двух Корей».

Очевидно, что России следует продолжать поиск беспристрастной позиции и сбалансированных усилий в отношениях с обеими Корейми, но при этом необходимо чётко разделять собственные политические и экономические интересы. На практике это может привести к возникновению некоторых проблем, или даже осложнений в отношениях с Республикой Корея или КНДР по конкретным вопросам текущей политики. В то же время такой подход выглядит более прагматичным и взвешенным, чем политика западных государств.

Мы уже неоднократно говорили о том, что северокорейский режим доказал свою жизнестойкость и относительную стабильность, не проявляя признаков «неизбежного краха» в весьма сложных ситуациях²⁴. Надеяться на исчезновение КНДР с политической карты мира в ближайшее время или пытаться применить против неё египетский, ливийский и тем более иракский сценарии — очевидное политическое безрассудство и авантюризм, оправдания которым нет и не может быть.

В связи с этим нам бы хотелось видеть более активную позицию России в контактах не с корейским, а с *западными* партнёрами, которые, видимо, по-прежнему находятся в плену заблуждений о возможности падения северокорейского режима и существовании некой внутренней оппозиции, готовой выступить против него. Единственная возможность урегулирования ситуации на Корейском полуострове, на наш взгляд, кроется в признании КНДР Западом, установлении нормальных межгосударственных отношений с ней и возвратом Северной Кореи в мировое сообщество. Новое руководство

²⁴ См., например: Толстокулаков И.А. Ситуация в КНДР после смерти Ким Чен Ира в оценке южнокорейских экспертов // Корейский полуостров после смерти Ким Чен Ира: проблемы и вызовы для России (по материалам круглого стола). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 13—18; Толстокулаков И.А. Политика США в Корее: «перезагрузка отношений» или старый сценарий? // Политика США в Восточной Азии в начале XXI в. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2009. С. 14—19; Толстокулаков И.А. Основные векторы российской политики на Корейском полуострове // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 89 и др.

КНДР уже подаёт сигналы своей готовности возобновить диалог с мировым сообществом, в том числе по ядерной проблеме ²⁵.

Сохранение и развитие ядерного и ракетного потенциала воспринимается в Пхеньяне как одно из условий выживания КНДР на международной арене. И это не только установка правящей элиты, данная идея прочно закреплена в общественном сознании северных корейцев. Ядерное и ракетное вооружение нужно КНДР в двух качествах: 1) как средство для сдерживания внешней агрессии (защита единственного в мире оплота настоящего социализма); 2) как средство для ведения дипломатических манёвров на внешней арене, прежде всего региональной. Политическая и тем более военная элита Северной Кореи полагает, что до тех пор, пока КНДР обладает ядерным потенциалом, социалистическая Корея не станет мишенью для нападения со стороны империалистических держав, прежде всего США. Опасения американского вторжения в КНДР вполне объективны, обосновывать их после событий в Ираке или Ливии нет необходимости.

Чем жёстче будет внешнее давление на КНДР, тем прочнее будут смыкаться створки раковины, в которой Северная Корея оказалась с начала 2000-х гг. Для умиротворения ситуации, прежде всего необходимо «смягчить» давление на Пхеньян, если хотите, «умиротворить» его в традиционном для дальневосточной дипломатии понимании этого слова. А для этого требуется лишь одно — перейти от многостороннего формата к двустороннему диалогу. Шестисторонние переговоры в Пекине могут быть и, скорее всего, будут возобновлены, но окажутся ли они эффективными на этот раз? В данном вопросе мы занимаем пессимистическую позицию. Пхеньяну нужны гарантии собственной безопасности, а получить их можно только на основе двусторонних соглашений.

Повторим: нам бы хотелось, чтобы российское научное и дипломатическое сообщества более чётко формулировали эту идею в ходе контактов с западными коллегами. Некоторые надежды на это внушает

²⁵ См. итоги третьего раунда американо-северокорейских переговоров на высоком уровне, состоявшегося 23 февраля 2012 г. в Пекине (Вашингтон и Пхеньян достигли важных договорённостей // [KBS World. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=37608&id=hotissue](http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=37608&id=hotissue) (дата обращения: 29.02.2012), а также решение властей КНДР о допуске в страну специалистов МАГАТЭ (Пхеньян приглашает специалистов МАГАТЭ // [KBS World URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=37712&id=hotissue](http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=37712&id=hotissue) (дата обращения: 22.03.2012).

последовательное и самостоятельное поведение нашей страны в конфликте вокруг Сирии.

Не следует демонизировать северокорейский режим, власти КНДР не ставят задачу уморить свой народ голодом или тяжким трудом, они также хотели бы видеть Северную Корею благополучной и процветающей, но обстоятельства оказываются выше. Благополучием народа приходится жертвовать ради общей цели — стабильности, независимости и сохранения социалистического строя. Пхеньяну нужно отдать должное: граждане КНДР в эту цель искренне верят и готовы ради неё осознанно идти на лишения.

Западному человеку, не прошедшему через идеологизированное восприятие окружающего мира, трудно понять и принять такие реалии, но вне зависимости от западного восприятия, реалии социалистической Кореи пока остаются неизменными.

К сожалению, в последние недели, несмотря на отмеченные выше шаги Пхеньяна, свидетельствующие о его готовности к возобновлению диалога, Запад снова ведёт себя деструктивно. Никак иначе, чем явной провокацией, Пхеньян не может считать бесконечные совместные военные учения США и Республики Корея на юге полуострова. Ничем полезным не могут обернуться очевидные выпады против КНДР, такие как включённая в план визита поездка Б. Обамы в Демилитаризованную зону или настойчивые попытки изменить заранее согласованную повестку дня сеульского Всемирного саммита по ядерной безопасности, на котором южанам хотелось бы в очередной раз обсудить северокорейскую ядерную проблему²⁶. Очевидно, что и Сеул, и Вашингтон привлекает предвыборный популизм этих мероприятий, те дивиденды, которые южнокорейские и американские руководители могут получить на предстоящих парламентских (в Южной Корее) и президентских (в США) выборах. И никто не удосуживается оценить возможные разрушительные последствия такого поведения для едва налаживающегося сегодня «открытия» КНДР миру. С точки зрения смягчения ситуации на Корейском полуострове, всё это выглядит по меньшей мере неконструктивным.

²⁶ Барак Обама может посетить ДМЗ // KBS World [Электр. ресурс]: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=38167&id=newsthema [Дата обращения: 19.03.2012 г.].

Политики и власти в США и Республике Корея не понимают или не хотят понять, что молодой лидер КНДР, не обладающий необходимым запасом прочности и авторитета, вынужден остро реагировать на подобные провокационные действия. Смолчать или «перетерпеть» ради стабильности он не может, ему тоже приходится думать о популярности среди народа и правящей элиты. Отсюда предупреждение об очередном ракетном старте (в апреле), который зарубежные эксперты оценили, как подрыв достигнутых ранее договоренностей на американо-северокорейских переговорах ²⁷, и обостренная реакция на Всемирный саммит по ядерной безопасности в Сеуле ²⁸.

Почему так сложно понять, что лучше, что сегодня могут сделать в Вашингтоне и Сеуле, если они всерьез озабочены проблемой безопасности на полуострове, — это терпение и выжидание без малейших провокаций. Кстати, это ни в коей мере не противоречит не раз заявленной Вашингтоном политике «стратегического выжидания». Только «выжидание» получается на словах, а на деле — бесконечное «задирание» северокорейского режима, в без того критический для него момент, когда власть молодого Ким Чен Ына едва стабилизировалась.

Полагаем, что взвешенная и обоснованная позиция России не нуждается в рекламе, тем не менее считаем нужным подчеркнуть, что *реальный вклад* в укрепление стабильности на Корейском полуострове сегодня делают только Китай и Россия. Именно они реализуют на севере полуострова совместные с КНДР экономические проекты, вовлекающие Северную Корею в международное сотрудничество и обучающие её руководство вести себя цивилизованно, руководствоваться общепринятыми нормами.

Разумеется, при этом и Россия, и Китай думают о своих экономических интересах, но сотрудничество в СЭЗ «Расон» и на приграничных реках Амноккан и Туманган является значительно бóльшим вкладом в решение проблем Корейского полуострова, чем сиюминутные акции, подготовленные в политизированных предвыборных или корыстных геополитических целях.

²⁷ Пхеньян нарушает февральские договоренности в Пекине // KBS World. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=38154&id=newsthema (дата обращения: 16.03.2012).

²⁸ Пхеньян возлагает вину за ухудшение межкорейских отношений на Сеул // KBS World URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=28187&id=IK&page=2 (дата обращения: 19.03.2012).

Более покладистым Пхеньян делают не военные манёвры непосредственно вблизи территории КНДР, а конкретные экономические и гуманитарные программы, снижающие степень напряжённости его экономических, социальных (продовольственных) и прочих проблем...

Складывается впечатление, что Вашингтон иногда преследует совершенно противоположные цели: он навязывает Сеулу политику конфронтации с Севером, нередко идёт на прямые провокации против Пхеньяна. И ведь негативные последствия от этого ощущают не только противники США, но и их союзники: Республика Корея, Япония и другие страны, имеющие с США тесные военно-политические связи, например Австралия. О каком курсе на укрепление безопасности на Корейском полуострове и в АТР можно вести речь?

На наш взгляд, России следует чётко придерживаться нейтральной позиции в отношениях с Северной и Южной Кореей (в политической сфере), особенно с точки зрения развития межкорейских отношений. В конкретных международных вопросах, например давления США на КНДР, России нужно быть более самостоятельной и отстаивать высказанные выше взгляды на различных уровнях. В то же время ни у кого не может быть сомнений в том, что Российская Федерация, исходя из собственных и национальных интересов, поддерживает безъядерный статус Корейского полуострова, настаивает на исключительно мирном и дипломатическом решении корейской проблемы в целом и ракетно-ядерной проблемы КНДР в частности.

Отделяя политические проблемы от возможных экономических выгод, Россия может усилить свой авторитет и влияние на полуострове, в том числе через сотрудничество с Республикой Корея или в трёхстороннем формате с участием КНДР, особенно в области транспортного сообщения и топливно-энергетического комплекса.

Определение приоритетов по отношению к КНДР и Республике Корея, равно как и безусловная необходимость для России участвовать в решении корейской проблемы требуют от руководства Российской Федерации максимально придерживаться принципов «ограниченной вовлечённости» и «равной удалённости». Содержанием дальневосточной политики России остаётся неизменно позитивное отношение к перспективе объединения Кореи. Кроме того, любой конфликт в регионе Северо-Восточной Азии напрямую угрожает военной, политической и экономической безопасности российского Дальнего Востока. К сожалению, парадигма развития ситуация на Корейском полуострове в последние годы делает эту угрозу достаточно

реальной. В такой ситуации устранение главной причины — конфронтации Республики Корея и КНДР — вне всяких сомнений, соответствует коренным интересам России в Северо-Восточной Азии.

Однако иметь по соседству мощное и враждебное государство в лице объединённой Кореи — для России перспектива неблагоприятная. В связи с этим следует ставить вопрос об обеспечении позитивного нейтралитета будущей единой Кореи. Исчезновение очага напряжённости в приграничной зоне российского Дальнего Востока с его тихоокеанскими военно-морскими базами и стратегически важным для России выходом в Азиатско-Тихоокеанский регион полностью соответствует концепции национальной безопасности РФ, принятой в 1999 г.²⁹. Но где гарантии, что объединительный процесс и дальнейшее построение общекорейского государства пойдёт по выгодному для России сценарию?

Объединённая Корея в тесном военно-политическом союзе с США может оказаться бóльшей угрозой для России, чем сегодняшнее положение дел. Поэтому сохранение status quo на Корейском полуострове в ближайшей перспективе — основной приоритет российской политики. Обеспечить позитивный нейтралитет будущей единой Кореи — задача российского внешнеполитического курса в отдаленной перспективе.

²⁹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение, 1999.

ДИСКУССИЯ

В.С. Кузнецов (*директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ*): Сергей Константинович, Вы сказали, что Россия должна предложить собственную концепцию архитектуры АТР. Не могли бы Вы объяснить, как это возможно при 1% веса в регионе и недостаточной, по Вашим словам, вовлечённости? Второй вопрос к Вам: из чего состоит российская повестка дня?

С.К. Песцов: Разделяю Ваше недоумение, но о российском проекте региональной архитектуры сказал бывший заместитель министра иностранных дел РФ А.Н. Бородавкин. Я считаю, что нужно ставить амбициозные цели, но иметь в виду, что под ними должны быть реальные основания. Вес государства в АТР сегодня определяется тем, насколько страна вовлечена в проекты на субрегиональном и трансрегиональном уровне. Эта вовлечённость и активность придаёт государству веса на более высоком уровне при решении политических вопросов. Именно этот разрыв, заключающийся в нашем стремлении участвовать в региональных структурах, обсуждать общие региональные вопросы, не опираясь на собственное присутствие в регионе, приводит к тому, что наши инициативы тонут в песке.

Виктор Лаврентьевич приводил уже в качестве примера инициативу президента Медведева. Наши дипломаты сетуют на то, что прошло полтора года, и об этой инициативе кроме Медведева никто и нигде не упоминал. Это касается судьбы многих наших инициатив: их выслушивают, воспринимают, к ним, быть может, как-то относятся, но они остаются лишь инициативами. Что касается вопроса о повестке дня, то он вытекает логически из вышесказанного. Мы не продемонстрировали ни одного успешного шага в реализации хотя бы небольших, локальных проектов межгосударственного, субрегионального или трансграничного сотрудничества в этом регионе.

Даже проект «Туманган» сейчас реализуется по большому счёту без нашего участия. Официально мы в нём присутствуем, участвуем в заседаниях, бюрократы что-то решают. На самом деле активное строительство всей инфраструктуры ведёт китайская сторона, мы опять остаёмся за бортом, хотя это конкретная инициатива, в которой можно было бы поучаствовать. Не говорю уже о других проектах, осуществляемых в АСЕАН. Китай приобретает всё больший вес не потому, что обладает большой территорией, густо населён и активно развивается экономически, а потому, что всё глубже и глубже интегрируется в АСЕАН. Большие инфраструктурные объекты, объединяющие Китай с Сингапуром, Вьетнамом, Таиландом и другими странами региона — это реальность, причём это не простая инфраструктура, а

концепция экономических коридоров, которые обрастают совместными предприятиями. Здесь нужно не говорить об особой повестке дня, а искать возможностей для реализации нашего всё ещё существующего потенциала в реальных проектах. Наши предприниматели формулируют идеи таких проектов, но они не встраиваются в правительственные стратегии.

В.Л. Ларин: ...в стратегию чиновников.

Л.Н. Гарусова (*главный научный сотрудник ИИАЭ*): У меня вопросы к г-же Туми. Виктор Лаврентьевич справедливо упоминал, что об Австралии у нас знают немного, даже в среде студентов и людей с высшим образованием. Все знают, что Австралия — это прекрасная, процветающая страна, а вот особенности её внешней политики не очень себе представляют. Поэтому я хочу задать вопросы по внешней политике Австралии. Мы знаем, что США — давний и стабильный партнёр Австралии, а стабильность и постоянство, на мой взгляд, являются хорошими качествами в международных отношениях. Последние десять лет Австралия и США сотрудничают по такому важному и ценному направлению как борьба с международным терроризмом, и мой вопрос заключается в том, появились ли новые акценты во взаимодействии США и Австралии, как две страны реагируют на новые вызовы? Мой второй вопрос — о хороших и не очень простых отношениях Австралии и Индонезии. Не могли бы Вы что-нибудь здесь прояснить: положение дел отчасти связано с проблемой терроризма. И третий вопрос связан с позицией Австралии по трёхстороннему сотрудничеству США — Япония — Австралия, ибо Госдепартамент США позиционирует это сотрудничество как весьма позитивное.

М. Туми: Я почти всё поняла. Спасибо. Я не хочу касаться вопроса о трёхстороннем соглашении, потому что здесь я не большой специалист и не хочу вводить вас в заблуждение. Первый вопрос, об австрало-американских отношениях, очень хорош, он как раз находится в центре дебатов, которые проходят в Австралии. Две недели назад министром иностранных дел был назначен Боб Карр, и я, будучи уже во Владивостоке, смотрела на iPad его интервью, в котором он высказывал свою точку зрения на эти вопросы. Наши отношения с США остаются очень развитыми, в последние два десятилетия акцент делался на борьбу с терроризмом. И когда президент Обама, будучи в Австралии в прошлом году, объявил о том, что американские морские пехотинцы начиная с середины этого года будут находиться на севере Австралии, дабы усилить американское военное присутствие в регионе, это стало некоторым сюрпризом, в т.ч. и для наших региональных соседей. Министра иностранных дел спрашивали, является ли это реакцией на изменение расстановки сил в регионе. Особым вопросом было, является ли

присутствие американских морских пехотинцев на севере Австралии частью действий австралийского правительства по сдерживанию Китая.

И министр иностранных дел ответил, что размещение морских пехотинцев находится в русле той политики, которую Австралия проводила в последние десятилетия. Он подчеркнул, что это не американские базы, которые располагаются на австралийской территории, а американские пехотинцы, которые будут располагаться на австралийских базах. Мы разделяем точку зрения, что американское присутствие — важный стратегический элемент сохранения баланса сил в регионе. Для Пекина не шок и не открытие, что австралийско-американские отношения — краеугольный камень политики безопасности Австралии. Насколько я понимаю, в Австралии, как и в России, осознают, что взлёт Китая неизбежен. Но мы рассматриваем усиление Китая не обязательно как угрозу. Мы полагаем сдерживание Китая безжизненной политикой: это невозможно. Более того, мы считаем, что процветающий Китай и его участие в делах региона — хорошее дело для АТР. Продолжая утверждать, что наши отношения с США — краеугольный камень австралийской безопасности, мы в то же время признаём интересы Китая в регионе. Мы не смотрим на это как на игру с нулевым результатом. К тому же не стоит забывать, что Китай и США экономически зависят друг от друга.

Здесь, на этой встрече мне было интересно узнать, как воспринимают Австралию жители Приморья и что, возможно, её негативный облик в глазах части населения вызван связями с США. Когда мы говорим об АТР, часть людей воспринимают и Китай, и США, и Россию сквозь призму холодной войны. Как мы уже говорили, в регионе происходят быстрые изменения: меняется расстановка сил, мышление в категориях холодной войны уже не годится. Это относится и к Австралии: США — её ближайший союзник, а Китай — первый экономический партнер. Китай также самый большой инвестор в США. Т.е. мы имеем совершенно другой механизм взаимодействия, нам нужно подумать, как он работает. Я всегда призываю австралийских и российских чиновников обсудить взаимодействие России и Австралии касательно новых вызовов в регионе, в том числе и политику в отношении развивающегося Китая.

Это будет обсуждать первый заместитель министра иностранных дел А.И. Денисов в Австралии на следующей неделе.

Ваш вопрос об Индонезии очень важен. С начала моей дипломатической карьеры в 1988 г. этот вопрос был приоритетным для Австралии. С моей точки зрения, размеры посольства более или менее отражают сложность и многообразие отношений между странами, а наше посольство в Джакарте —

самое большое в мире. В его стенах работают не только наши дипломаты, но и представители практически всех департаментов и министерств Австралии. Это даёт представление о том, насколько многообразны и неплохи отношения с Индонезией. В прошлом, смотря на отношения в АТР, мы думали о коммунистической угрозе Австралии. Это отразилось также и на отношениях с Индонезией. С 1960-х гг. отношения с Индонезией — критическое направление нашей внешней политики. Это очень трудный и чувствительный для Австралии момент. Прежде чем меня назначили послом в России, я была послом в Восточном Тиморе, который до референдума 1999 г. являлся частью Индонезии. Когда Австралия содействовала введению иностранных войск в Восточный Тимор, это было в нашей внешней политике сложным и неоднозначным решением. Но в итоге, думаю, это завершилось значительным успехом как для Индонезии, так и для Восточного Тимора и Австралии. Это доказало, что мы можем работать вместе. А затем произошли две террористические атаки в Индонезии, где погибло много австралийцев. И мы теперь очень тесно взаимодействуем с Индонезией в борьбе с терроризмом.

Другим важным событием стало цунами в Индонезии, которое, собственно, и дало толчок к проведению политических и экономических реформ в Индонезии. Индонезия становится демократическим государством. Это облегчает нашу работу с Индонезией. В то же время остаются чувствительные болевые точки. Одна из них — беженцы из Индонезии (контрабандисты лодками везут людей в Австралию). У нас в стране идут большие дебаты: одна из точек зрения заключается в том, чтобы отправить эти лодки туда, откуда они пришли, т.е. в индонезийский порт. Индонезийцы говорят, что они не могут на себя взять этот груз, и нам надо как-то разделить ответственность. Это только один пример наших разнообразных отношений с Индонезией. Здесь можно провести такую параллель: Китай, сосед России, имеет большое население и много проблем, приграничное взаимодействие и др. Россия смотрит на многие проблемы сквозь призму соседства с Китаем. Сравните Индонезию с 230-миллионным населением и 21 млн населения Австралии. Можно долго говорить об этом. Понятно, что эта тема не сильно освещается в российских масс-медиа, в то же время хочу отметить, что СМИ Австралии довольно много пишут о России.

В.Л. Ларин: Спасибо, г-жа Туми. У меня есть комментарий, связанный с размещением американских пехотинцев. Здесь мне вспомнилось знаменитое выражении В.Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Как вы сказали, целью этого размещения было поддержание баланса сил и стабильности в регионе, но тем самым вы на деле спровоцировали Китай к активным действиям, что привело к изменению баланса сил. Китай воспринял

это как еще один шаг в направлении его окружения и связывания, как действия, направленные против него.

На днях я присутствовал на проходившей в Китае, но организованной американцами конференции «Китай в глобальном мире», где выступал один китайский учёный, и я впервые слышал, чтобы учёные говорили буквально следующее: «Да, у нас (у Китая. — *Ред.*) сейчас второй военный бюджет в мире, сегодня он в 4 раза меньше американского, через 10 лет будет в 2 раза меньше американского. И мы будем увеличивать его для обеспечения собственной безопасности, потому что нас окружают». Получилось, что вы хотели как лучше, а получилось как всегда, в духе холодной войны. Моя точка зрения заключается в том, что это были крайне непродуманные действия и со стороны США, и со стороны Австралии. Т.е. ничего положительного они не принесли, но спровоцировали нестабильность.

Задам теперь короткий вопрос об инициативе К. Радда по созиданию Восточно-Азиатского сообщества: она ещё жива или уже забыта в Австралии?

М. Туми: Мы полагаем, как я уже говорила в своём докладе, что одной из отдач этой инициативы было расширение ВАС с включением туда США и России, т.е. мы считаем, что эта инициатива таким образом сработала. Озвученная Вами точка зрения, что Китай воспринимает это как окружение, очень важна, здесь дипломатия, собственно говоря, заключается в восприятии. И надо понять, что речь идёт лишь о 250 пехотинцах. Вы правы в том смысле, что мы должны здесь очень хорошо дипломатически работать. Нас радует позиция России, которая стремится сбалансировать соотношение сил в АТР. И с нашей точки зрения, это не сдерживание, но мы должны объяснять почему, и это делает дипломатию тяжёлой работой. Должна сказать, что это стимулировало необычайное публичное обсуждение в Австралии. Если бы вы включили телевизор в Австралии на прошлой неделе, то увидели бы, что это была главной темой обсуждений. С моей точки зрения, это хорошо.

В.А. Новиков (*атташе представительства МИД РФ во Владивостоке*): Ни для кого не секрет, что в послевоенный период Австралия в военно-политических отношениях ориентировалась на США: можно вспомнить договор АНЗЮС 1952 г. Вы сказали, что крупнейшим торговым партнёром Австралии становится Китай. Если говорить о сотрудничестве России и Австралии, в какой сфере мы можем стать партнёрами в будущем?

М. Туми: Это очень большой вопрос. Отвечая на него, сошлюсь на восприятие Австралии, прозвучавшее в докладе В.Л. Ларина, где был очень для меня приятный пункт: все сошлись на том, что больших проблем в отношениях между Россией и Австралией нет. Проблемные вопросы наших отношений не занимают большую часть времени в моей работе в России: это

классические торговые отношения, есть определённые проблемы, но они не носят стратегического характера. Мне кажется, мы должны больше работать вместе на региональном и многонациональном уровне, поскольку, с моей точки зрения, мы не понимаем друг друга достаточно хорошо. У нас много совместных интересов: в отношении растущего Китая, в отношении взаимодействия Китая и США, в отношении Японии в регионе, и нам нужно лучше понимать друг друга. Обе страны членствуют в региональных организациях, где нам есть над чем вместе работать в ближайшем будущем, начиная с этого года в рамках АТЭС. В 2013 г. Россия принимает саммит G20, в 2014 г. саммит пройдет в Австралии. Мы должны вместе работать над успехом этих мероприятий, поскольку ставки в глобальной экономике очень высоки. Если Австралия со следующего года станет членом Совета Безопасности ООН, мы будем тесно работать друг с другом по многим вопросам, таким как Корейский полуостров, и это не будут лишь теоретические дипломатические разговоры.

Т. Списбах (*1-й секретарь посольства Австралии в РФ*): Дополняя ответ г-жи Туми на предыдущий вопрос, скажу, что встреча лидеров 21 государства АТЭС сама по себе очень мощная площадка для обсуждения этой возможности. Это очень полезно. Индонезия тоже член АТЭС. И особенно важны вопросы, над которыми тесно работают Австралия и Россия: продовольственная безопасность, которая будет обсуждаться здесь, инновационный пакет, который будет в повестке дня: обсуждение модернизации, развитие образования, в котором Австралия тоже весьма заинтересована. Будет и много других интересных вопросов. Как уже отмечалось, мы хорошо знаем друг друга.

В.С. Кузнецов: У меня комментарий-иллюстрация. Хотел бы напомнить, что у Приморского края имеется весьма позитивный опыт отношений с Австралией. Ровно 20 лет нас посетила большая австралийская делегация во главе с Гарольдом Эвансом. То было время надежд и большого динамизма, когда областями нашего сотрудничества в первую очередь были телекоммуникации, сельское хозяйство, образование, мы хотели даже заимствовать систему регистрации земли, введённую в Австралии. Сегодня перемены, что произошли в Приморском крае, несут надежду на возвращение динамизма. Кроме того, мы можем усилить сотрудничество в области образования.

М. Туми: У нас неплохая история совместных отношений, но она могла бы быть лучше. Согласна, есть в наших отношениях и проблемы. Одна из них связана с запретом в России импорта мяса кенгуру, другая — с транспортом, с обязательной перегрузкой контейнеров в Пусане, что создаёт некоторые

проблемы. Как я уже упоминала прежде, В.В. Путин принял очень хорошее решение провести встречу лидеров АТЭС во Владивостоке, поскольку в этом году сюда приедут премьер-министр, министр иностранных дел, министр торговли, а уже на следующей неделе здесь будет парламентский секретарь по торговле (заместитель министра торговли Австралии), она и будет в основном говорить про образование. Мы стараемся.

В.Л. Ларин. Предлагаю поблагодарить г-жу посла за интересное выступление, за созданную ей атмосферу. Теперь мы все будем работать на благо российско-австралийской дружбы, каждый в своём направлении. Ещё раз благодарю г-жу Туми за встречу. *(Аплодисменты.)* До новых встреч.